

УДК 13.130.1

СОМАТИЧЕСКОЕ И ЭКСТРАСОМАТИЧЕСКОЕ: ЧЕЛОВЕК В ИНТЕРЬЕРЕ МИРА ВЕЩЕЙ

Л.М. Газнюк

ФГБОУ ВО «Белгородский государственный университет», г. Белгород

Рассматривается взаимосвязь между вещами, явлениями и органами чувств человека в соматическом и экстрасоматическом бытии человека, что указывает на его символическую способность и сказывается на поведении и желании не только «*быть*», но и «*иметь*». Взаимоотношения человека и вещи представлены как взаимное уподобление вещи и её хозяина в результате симбиоза, расфокусированного вне тела средой персональности; становясь вещами-пожитками по своей сути, они становятся кристаллами трансперсонального бытия.

Ключевые слова: *соматическое, экстрасоматическое, человек, бытие, вещь, символ, событийность, иноприсутствие, персональность.*

Современный социокультурный пространственно-временной континуум чрезвычайно динамичен. И человек в осмыслении своего бытия зачастую не поспевает за стремительным развитием новой техники и технологии, которые, с одной стороны, наполняют его повседневность и создают его материальный комфорт, а с другой, лишают личной памяти о прошлых событиях, вызывают непостижимую тоску по автобиографически утерянному. Именно личные вещи способны вызвать воспоминания, воссоздать картины пройденного.

Своим персональным соматическим бытием человек вписан в культуру как экстрасоматическую традицию, ведущую роль в которой играют символы и вещи. Возникновение способности к символизации повлекло за собой возникновение нового ряда феноменов экстрасоматического, культурного ряда, в частности, мира вещей.

Человек придаёт ценностное значение вещам, прежде всего, для того, чтобы этим сохранить себя; он наделяет вещи не просто смыслом, а человеческим смыслом. Поэтому человек и стал человеческим, что начал оценивать окружающий мир, других и себя. Только через оценивание появляются ценности, и без оценивания мир представлял бы собой мир вещей самих по себе. И изменение ценностей представляет собой не изменение ценностей самих по себе, а ценностей, как они даны человеку. «Мир, где человек сталкивается с вещью – это временно трансцендентный мир, связанный с экзистенцией, которая несёт его структуру. Помещённость такого мира в вещь оправдана, ...потому что вещь наделяется человеческими смыслами, т. е. вообще способна ими обладать, благодаря бытию-человека-в-мире» [1, с. 49].

Будучи демиургом по назначению, человек существует и творит, согласно Канту, в своих измерениях, в двух мирах – в мире, где царят законы детерминации, и в свободном мире, где возможна автономная деятельность практического разума. Ценности определяют деятельность разума в обоих мирах, с чем связано их разделение на две группы – ценности эстетические, как предметные, и ценности этические, как личностные.

Базовые ценности сами по себе инвариантны для всех людей. Согласно признанному авторитету в философской антропологии М. Шелеру, «сама иерархия ценностей» представляет собой нечто абсолютно неизменное, в то время как «правила предпочтения», которые возникают в истории, принципиально вариабельны. По М. Шелеру, именно характер, склонности человека, т. е. «правила отдания предпочтения одним ценностям и пренебрежения другими», определяют также структуру и содержание его мировоззрения, познания мира, мышления о мире, и к тому же его волю к самоотдаче вещам или к господству над ними. Он подчеркивает, что это «имеет силу для индивидов и рас, наций, культурных кругов, народов и семей, партий, классов, каст, сословий». Человек перемещается словно в раковине, образованной всякий раз особой субординацией самых простых, ещё не оформленных как вещи и блага ценностей и ценностных качеств. Эту раковину он везде носит с собой; и ему не избавиться неё, как бы быстро он не бежал. Через окна этой раковины он воспринимает мир и себя самого – не более того и не менее, чем то, что показывают ему в мире и в нём самом, эти окна, согласно их положению, величине, цвету» [6, с.306].

Можно предположить, что люди, исходя из общечеловеческих трансцендентальных оснований, накладывают на них заданную смысловую шкалу, а в результате априорное – инвариантная иерархия ценностей, и опять же не сами ценности, в процессе её осмысления приобретают вариабельность. Таким образом, суть персональных разногласий составляют разногласия не в самых ценностях, а в системе формирования оценок.

Человек, как телесное существо из плоти и крови, с чувствами и переживаниями в персональном соматическом бытии сопричастен и к экстрасоматическому бытию.

По мнению американского исследователя Л. Уайта, один и тот же элемент человеческого поведения можно рассматривать в соматическом и экстрасоматическом контекстах. В соматическом контексте чрезвычайно важна взаимосвязь между этими предметами, явлениями и органами человека. Рассмотренные в соматическом контексте предметы и явления, связанные с символической способностью человека, обозначаются как его поведение. Как правило, под поведением подразумеваются идеи, отношения, действия, поскольку топоры и керамика не могут быть непосредственно названы поведением, но они созданы трудом человека, т. е. овеществлённым поведением людей. В экстрасоматическом контексте взаимосвязь этих предметов и явлений друг с другом важнее, чем их взаимосвязь с организмом человека, и обозначается как культура [7, с. 247]. Человек эволюционирует от «естественного» к «культурному», поскольку именно сознание является основополагающей естественной склонностью к овладению миром вещей и предметов. В случае отождествления человека с его сознанием возникает противопоставление «иметь» и «быть». Для человека, т. е. для его сознания, всё, что существует, имеет определённое значение. Но человек – это ещё и плоть, тело, для которого существование выражимо в овладении и присвоении, и поэтому это телесная форма существования, в отличие от означающего – сознания.

Конечно, тело ограничено тесными пространственно-временными рамками, которые непосредственно вживлены в мир вещей. Различные объекты, окружающие тело человека, имеют разную степень сопротивления индивиду-

альным запросам и разную степень самостоятельной активности (потенциальной угрозы). Отношение к объектам окружающего мира, как к собственным, означает рост перспективности существования тела, возрастание его безопасности и комфортности. «Потребность в комфорте имеет психологическую природу или, лучше сказать, психосоматическую, то есть и физическую, и психологическую» [3, с. 23]. И это столь же близко и имманентно человеку, как и духовные радости, осуществление желаемого. Если для сознания самореализовываться в любой сфере деятельности и есть «*быть*», то для тела столь же свойственно владеть, пользоваться как естественными своими составляющими, так и тем, что можно использовать. Соответственно, владение является зоной бытийности тела, расширением периметра его безопасности. Человека можно определить как тело, которое имеет сознание, или сознание, присвоившее тело.

Вполне естественно желание человека владеть вещами и людьми, но оно всегда радикально ограничено подобными же притязаниями других людей и соответствующим уровнем общественного производства. Предметы, которые улучшают наше телесное существование, и нужные нам люди часто труднодоступны, а реальные шаги для обеспечения владения связаны с большими потерями жизненных сил. Безусловно, противоестественным выглядит лишение человека того, чем он уже обладает. Для подавляющего большинства людей именно такие социоматериальные потери, как утрата имущества, положения в обществе, социальных перспектив весьма чувствительны и вызывают негативные переживания, хотя они и не фундаментальны в антропологическом отношении. Бытийность вещей способна наполнять человеческую жизнь ощущением профанной и сакральной связи с миром. Что же происходит с вещами, когда они становятся неотъемлемой частью повседневного бытия человека? М. Хайдеггер пишет об убыточности вещи в процессе её бытия как *вещности*. «Отдельные изделия, если ими пользоваться, изнашиваются и становятся обыденными. И так сама жизнь изделия приходит в запустение и опустошение. Такое опустошение исправности является уменьшением надёжности. А убыточность, которой все вещи человеческого потребления бывают обязаны своей тоскливо-назойливо повседневности, является лишь новым свидетельством в пользу начальной сущности изделия» [5, с. 67–68].

Итак, на вопрос «что же происходит с вещами, когда они становятся неотъемлемой частью повседневного бытия человека?» напрашивается ответ: они расходуются, изнашиваются. Конечно, перед этим они изготавливаются и обмениваются, и как раз эта предварительная стадия давно обратила на себя внимание. Способы доставки изделия до места его потребления подробным образом описаны в политэкономии, а отдельные особенности доставки, например, через акт дарения или упаковывания в товарную форму даже выделены как характерные для исторических эпох. Относительная легкость фиксации траектории распространения (дистрибуции) вещей подталкивает к переоценке предыдущей стадии, к тому, чтобы выделить способ производства как решающий момент *вещности* изделия [5, с. 67–68].

Однако дальнейшая судьба вещи, после того как она изготовлена и обменена, выпадает из поля зрения политэкономии, словно ничего существенного более не происходит. Между тем именно здесь, как предполагает Хайдеггер, происходит самое главное – нечто, имеющее отношение к сущему. Вещь

переживается каким-то образом, она несёт в себе определённую бытия-в-смерти. Человек выражает себя до полной высказанности, если, конечно, случай не оборвет его на полуслове, проживает собственное тело, расходует уделённое ему присутствие дальних и близких и – проживает несколько вещей. В этом регионе сущего и осуществились изменения, которые поставили, пожалуй, и сам вопрос относительно достоверности бытия.

Башмаки, о которых пишет Хайдеггер, – это спонтанные башмаки. Этот момент принципиально важен, ведь именно знак убыточности обнаруживает добротность изделия. Только что изготовленная, новая вещь должна ещё доказать свою пригодность, и способ этого доказательства, будучи исторически изменчивым, оказывает более значительное влияние на человеческое бытие, нежели способ производства или доставки. Действительно, разношенные башмаки или пристрелянное ружьё свидетельствуют о том, что бытие изделия выявило его полноценную *вещность*, служебность и пригодность, которые не отделяются в процессе использования, а расходуются только вместе с расходом материала. Если же знак убыточности привёл к расслоению, к тому, что материал ещё крепкий, но если извлечение пользы наносит существенный ущерб вещи, а значит, изделие не отличается добротностью: букет свойств рассыпается при первом встряхивании.

Башмаки на картине В. Ван Гога воплощают архетип поколения вещей, которые теперь следует считать ушедшими из нашего бытия. Их родовой чертой было подражание природе – тому единству формы и материи, которое возникает только путём генезиса: «Постоянная устойчивость вещи, её консистенция заключается в том, что вещество находится вместе с формой» [5, с. 60]. В качестве образца Хайдеггер рассматривает глыбу гранита, имея в виду слияние свойств в готовой форме. Уже в этом видится некий архаизм по сравнению с Кантом и Гегелем, для которых примером «первой вещи, которая попала на глаза» всегда оказывается что-то сделанное: скорее корзина или стол, чем глыба гранита.

Но для Хайдеггера важен вопрос, как и в подражание чему сделана вещь; важнее всего не пропустить незамеченным тот водораздел, с одной стороны которого окажется и глыба, и корзина, а с другой, например, одноразовая посуда или одноразовое постельное белье. Пребывание вместе с формой – это далеко распространяемое единство конструктивного принципа: «помещённая в себе гранитная глыба представляет собой нечто вещественное в определённой, хотя и несложной форме. Под формой здесь имеется в виду распределение и упорядочение частей вещества по их месту в пространстве, в результате чего возникают особые очертания, а именно контуры гранитной глыбы. Но вещество, находящееся и стоящее в определённой форме, – это кувшин и башмаки» [5, с. 61–62]. Добротным молот является именно в той мере, в которой он воплотил в себе монолитность гранитной глыбы: он не собьется с рукоятки, хотя она уже и отполирована ладонями до блеска, и не собьется при условии его правильного использования. И башмаки останутся башмаками до полного износа, как священным остаётся камень Каабе, который уже второе тысячелетие служит верующим мусульманам. Любая вещь начинает существовать, как только она выходит из рук мастера, который её изготовил, но свою персонафицированную жизнь эта вещь получает лишь только тогда, когда произошло

испытание износом, когда осуществилось вхождение в симбиоз, и вещь начала проживать свою жизнь вместе с человеком.

Произведенные сапожником башмаки изготавливались, чтобы стать ботинками, словно приготовились к использованию. Но они должны вступить ещё в бытие как вещь, прийти в пору и представить свою единственную экземплярность, найдя своего хозяина. С этого момента дело приобретает персонафицированное содержание и входит в экстрасоматическое бытие человека. Таким образом, вещь была изготовлена и приготовлена для того, чтобы стать вещью в действительности, но она не станет ею без встречного желания со стороны иных родственных связей. Если, согласно Аристотелю, мастер указывает на деятельностную причину кувшина, то деятельностной причиной этого кувшина окажется также и винодел. Без других родственных связей изделие не может быть явлено как вещь для человеческого потребления. Даже вещь, изготовленная для себя, всё же оказывается рожденной второй раз – только после примерки и подгонки ей предоставляется полнота бытия как вещи. Таким образом, можно говорить о приручении и воспитании вещей как существ, причастных к экстрасоматическому бытию человека. У Платона есть соответствующее указание на то, что «не производитель кифары сможет наилучшим образом определить её пригодность, а кифарист» [4, с. 216].

Таким образом, вещи имеют свою историю. Возможность отчуждения сделанности в качестве всеобщего эквивалента (стоимости) ещё не наступила, и хотя производство (*poiesis*) представляет собой нечто иное, чем *genesis*; но подражание различным образом сглаживает это расхождение. Хорошо «воспитанная» вещь биографична, она входит в свой *акме* и клонится к закату. Полезное свойство, или другими словами, функция, не находится вместе с формой, функция отнесена от материального носителя и отделяется в процессе использования. Сама экземплярность факультативна, она результат простой дубликации численности потребителей, так что количество копий для «распечатки» может быть определено в последний момент. Но главное – это угасание предыдущего критерия добротности и остаточной полезности, которая, не отделившись, воспринимается теперь как несовершенство, ненужное замедление, напрасный труд. Современная вещь – это, прежде всего, средство доставки полезных свойств в пределах одного кванта полезности. Материальный носитель кванта полезности должен быть или легко растворимым в первичном материале (универсальном полуфабрикате), или, наоборот, незатронутым после считывания свойства, как жетон в метро. В любом случае, бывший критерий добротности выступает как препятствие для нового круговорота вещей.

Только то, что уходит в забвение, может стать достоянием сознания – предстать перед обобщающим взглядом с привилегированной точки зрения. Равномерная актуальность присутствия не даёт повода для работы сознания, для реставрации целого извне. Человек знает, что потерял или приобрёл, и менее всего он знает то, что имеет.

Контекст, в котором вещи потребления именуются «собственно пожитки», предстаёт перед человеком во всей яркости и художественной убедительности. Это происходит потому, что человек находится в другом контексте, в котором вещи, даже задержавшись больше положенного срока, оказываются в лучшем случае пережитками, свидетельством неблагополучия, строками

приговора, который хочется скорее отбыть. Ничто биографическое не задерживается в стремительно обновляемом парке вещей: среда вещности утратила способность накапливать и сохранять следы времени.

Только долгоживущие вещи могут стать пожитками, и только при условии, что они сохранили свою добротность, как главный критерий изделия. Пожитки – это материализованные фрагменты биографии, это то, что прожито за пределами собственного тела. Хайдеггер легко расшифровывает сообщение, содержащееся в ботинках, как простую летопись, которая рассказывает о жизненных перипетиях их хозяйки. Как и любая дважды рождённая вещь, башмаки содержат фрагменты генного опыта родителей. В плане ёмкости биографических свидетельств пожитки ещё важнее, чем поверхность тела. Загар, шрамы на лице, мозоли на ладонях – все это аналоги в вещах (пожитках), которые принадлежат человеку, но в них содержится и многое другое – протяжённость и замысел рассказа. Взаимная уподоблённость вещи и её хозяина выступает как результат симбиоза, расфокусированного вне тела средой персональности: и комоды, и столы, и стулья, даже самый маленький из стульчиков, казалось бы, говорил своим видом: «...и я тоже Собакевич» [2]. От гоголевской иронии и любования к эпической констатации наличия собственного имени в вещи простирается овеществлённая биографичность изделия; вещи – пожитки во многих аспектах родственны домашним животным – нужно считаться с особенностями их нрава и привычек, даже с благоприобретёнными недостатками, и все эти мелочи не ослабляют взаимной приязни. Кофейная мельница скрипит и трудно прокручивается, но что делать, она тоже состарилась вместе с дедом и отцом, она служила им верой и правдой, да и теперь не подведет, если проявить терпение. Полезность не отделилась от неё (старость вещи является безусловным подтверждением добротности), однако наслоилась история семьи и собственная история. Благодаря всем обиходным хроноуправлявателям прошедшее время не стало абсолютно прошлым, оно пришло сюда, в эти вещи, частично осело в них и даже приобрело объективную значимость. Когда человек говорит: «Эта вещь дорога мне, как память», он отказывается соотносить её с денежным эквивалентом. В принципе, одна чаша может быть эквивалентна одному пальто или пяти рулонам ткани, но *эта чаша* здесь ни при чём: из нее пил отец, а он получил её в подарок на свадьбу и брал с собой в поход, и она эквивалентна определённой степени родительского присутствия в памяти человека. Её можно, конечно, подарить или обменять в крайнем случае, но это будет эксцессом и в результате такого чрезвычайного обмена человек неизбежно станет беднее, поскольку лишится части доверенного ему иноприсутствия, которое содержит среди прочего и замысел о нём самом. Кроме того, человек лишает себя и надёжного транспортного средства, способного переместить собственное бытие-в-посмертности.

Вещи как пожитки по своей сути являются стабильными крупинками жизни, кристаллами трансперсонального бытия, хотя бы до тех пор, пока они не изъяты из текучести повседневности, не отчуждены в товарную форму. Они не только находятся вместе с формой, но и состоят в родственных связях с близкими человека; они, если угодно, суть материальные узы родства, в котором нахожусь и «Я», они сверхпроводники скоротечного времени, которые заменяют его быстротечность.

Популяция этих отживших вещей, которые плотно заселяли все экологические ниши повседневности – чердаки, комоды, берега рек, кошельки и шкапулки – это популяция исчезла, вымерла, как динозавры. Вещам-пожиткам больше нет места в нашей жизни, их вытеснили вещи-проекты.

У человека нет способа рассчитать баланс приобретений и потерь. Лучше исходить из того, что обстановка современности обусловлена совсем другим сценическим реквизитом, и в этих декорациях невозможно играть прежнюю пьесу, не впадая в невыносимую фальшь. Вещи уже больше не находятся вместе с формой хотя бы потому, что время не стоит на месте. Хотя, сравнивать пробы времени возможно, руководствуясь параметром «пожитки – проекты».

Безусловно, взяв за пример конец XVII в. и вынеся за скобки целый ряд подобного и отличного, можно констатировать принципиально другие характеристики популяции вещей. Современная женщина имеет в своём распоряжении едва ли меньше вещей, чем аристократки Елизаветинской эпохи, но пожитков у неё нет. Немногие могут вспомнить, как выглядела их позапрошлогодняя обувь, предыдущая скатерть на обеденном столе; вряд ли кто из современных женщин может посчитать количество сумок, которыми они пользовались в течение жизни. Между тем не только крестьянские девушки, но и представительницы более состоятельных сословий могли легко вспомнить все свои гребешки. Знакомые вещи содержали «изюминки» (собственные особенности и приметы), так что их трудно было спутать. К сожалению, качества добротности, весомости, неразрывности с формой оказались бесполезными и даже вредными для естественного отбора. Желанная вещь современности специально выдвинута в будущее, ничем не обременена, она парит над краем материализации. Она абсолютно нейтральна к любой персональности и является таким же проектом, как и большинство фоновых продуктов воображения. Обвинение в вещности, адресованное обществу потребления, по сути, лишено смысла. Вспомогательное, которым человек теперь распоряжается, выступает как пустая оболочка, в определённом смысле «прикоснуться к столу» сейчас так же трудно, как «прикоснуться к благотворительности», – ведь пребывание в настоящем отдельного экземпляра исчезающе мало по сравнению с гиперреальностью идеи дизайнера.

Среди важнейших сдвигов современности есть несколько факторов, которые, собственно, и позволили этому времени наступить. Несколько сдвинулась, образовав проем, и *событийность*, которая бросилась в этот проём и стала складываться в свою собственную, т. е. персональную историю. Тот факт, что вещи, которые составляют нашу современность, перестали удерживать и консолидировать время (продолженность присутствия), привёл к последствиям двоякого рода: во-первых, произошло общее ускорение всего происходящего и, во-вторых, резко возросла напряжённость в модусе бытия как авторствования. Речь идёт об одном и том же явлении, только наблюдаемом с разных сторон.

Желание любой ценой быть автором, т. е. отметить персональной атрибуцией какого-нибудь «текста», направления связано с сокращением возможностей иноприсутствия, с отпадением целого региона посмертного сохранения персональности.

Вещи из прошлого являются убедительным вещественным доказательством сохранения иноприсутствия. Правда, эти доказательства следует теперь считать утратившими силу, поскольку больше нет свидетелей, которые передали их из рук в руки. Теми вещами уже нельзя пользоваться, извлечь пользу из их добротности. Вещи-пожитки выброшены, как старый хлам, или сакрализованы, как музейные экспонаты – и в том, и в другом случае свойства, которые хранили их иноприсутствие, потеряны.

Чтобы зафиксировать портретное сходство, нужно определённое время (экспозиция), но этого времени больше нет, оно не удерживается в своём стремительном беге средой вещественности. Только в произведении фиксируется персональность автора, причём этот процесс не носит более характер «вывода в не-тайное», ведь материалы не осуществляют сопротивление, с которым следовало бы считаться, не образуют устойчивую форму, подобную глыбе гранита. Столпотворение неосуществлённых проектов возле узкого жерла бытия-в-признании больше всего напоминает битву голодных духов за вечно дефицитную плоть. Период полураспада вновь возникающих продуктов ноэзиса всё время сокращается, большинство из них даже не поднимается до уровня осуществления. Неспособность крестьянских ботинок или бабушкиной одежды оставаться альтернативным инструментом заветного инвестирования приводит, в конечном счёте, к более существенным изменениям человеческих обстоятельств, чем те, что происходят в любом другом визуальном измерении.

Традиция несуетного проживания стала действительно маргинальной, принципиально несохраняемой, даже узы ближайшего родства не предотвращают угасание присутствия. Оставшись пустыми, вещи-оболочки напоминают, в лучшем случае, о факте отсутствия, их эфемерное единство распадается сразу же, как только владелец исчезает. «Теплый круг вещей, глубинно соотносенных с человеком в условиях серийного производства. Совсем невелик, но тем более значимым становится обнаружение самости и стереотипности его смысла» [1]. Персонифицированный мир вещей и порождаемых ими символов образует совокупность физической формы и значения, дополняя соматическое бытие человека и находя своё место в экстрасоматическом бытии.

Таким образом, следует отметить, что:

1) существует взаимосвязь между вещами, явлениями и органами чувств человека в соматическом и экстрасоматическом бытии человека, что указывает на его символическую способность и сказывается на поведении и желании не только «*быть*», но и «*иметь*»;

2) вещи, предназначенные для персонального потребления, вступая в бытие как вещественность и представляя свою единственную экземплярность, найдя своего хозяина, входят в экстрасоматическое бытие человека;

3) вещи потребления, как «пожитки» и следы на теле (загар, шрамы, мозоли и др.) образуют симбиоз биографических свидетельств в визуальном измерении;

4) взаимное уподобление вещи и её хозяина выступает как результат симбиоза, расфокусированного вне тела средой персональности, а становясь вещами-пожитками по своей сути, они становятся кристаллами трансперсонального бытия.

Список литературы

1. Бурова О.К. Человек и вещь. Философское путешествие в поисках партнерства: монография. Харьков: Право, 2015. 336 с.
2. Гоголь Н.В. Соч.: в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 1–2. 469 с.
3. Ливрага Х.А. Общество комфорта и философия риска // Новый Акрополь. 2003. № 1. С. 16–26.
4. Платон. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т.2. 528 с.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 47–116.
6. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филлипова / под ред. А.В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 259–337.
7. White L.A. Ethnological Essays. New Mexico: Albuquerque, 1987. 389 p.

SOMATIC AND EXTRASOMATIC: A HUMAN BEING INSIDE THE WORLD OF THINGS

L.M. Gazniuk

Belgorod State University, Belgorod

The article examines the relationship between things, phenomena and human sensory organs in the somatic and extra-somatic dimensions of human existence that reveals its symbolic potential, behavioral impact and desire not only «to be», but «to have». Relations between a human being and things are considered as in the perspective of their mutual identification in the personal space. As personal belongings things become the crystals of transpersonal life.

Keywords: *somatic, extrasomatic, human, being, a thing, a symbol, the eventfulness, other presence, personality.*

Об авторе:

ГАЗНИУК Лидия Михайловна – доктор философских наук, проф., проф. кафедры философии и теологии ФГБОУ ВО «Белгородский государственный университет», г. Белгород. E-mail: gazniuk@bsu.edu.ru

Author information:

GAZNYUK Lidia Mikhailovna – PhD, Prof., Prof. of Philosophy and Theology Dept., Belgorod State University, Belgorod. E-mail: gazniuk@bsu.edu.ru